Разная Волчек

Вот говорят: она волевая, сильная, она напролом пойдет, у нее нервы, как канаты, она — танк, она — «коня на скаку остановит».

Ну да. Как же. Видели бы вы ее на последних репетициях недавнего «Титула». Я приехал из Екатеринбурга и, как и в каждый свой приезд, появился в «Современнике» поздороваться, поболтать. Сидели в ее кабинете перед репетицией часа полтора-два, говорили о чем-то неважном, пустом, я отвлекал ее всякими глупостями, а у Волчек (никогда в жизни ее такой не видел) лицо от бессонных ночей, от переживаний черное. Вздрагивает, курит сигарету одну за другой, губы кусает. Спектакль никак не складывался, «доброжелатели» шушукались по углам, советовали вообще закрыть спектакль. Премьеру перенесли на несколько дней, Волчек репетировала с утра и до ночи. Я сидел в ее кабинете и, как дурак, какими-то банальными, пошлыми словами уговаривал: «Да не переживайте так, Галинбрисна, да всегда ведь так перед премьерой, Галинбрисна, вот придет зритель, Галинбрисна, и все станет на свои места, ведь у вас плохо не бывает, Галинбрисна, ну, что же так переживать-то, это ведь не первый и не последний спектакль, небо не упадет, плевать...».

Она смотрела на меня и сквозь меня, курила мальборину за мальборином, согласно кивала головой, мол: мели, Емеля, твоя неделя, а сама прислушивалась к тому, что доносится из динамиков внутритеатрального радио — на сцене устанавливали декорацию. Слушала, ждала начала репетиции — сигнала помощника режиссера, слушала, курила и курила.

Мне было ее немыслимо жалко. Ну, казалось бы: ведь не машина же ты, не компьютер какой, а человек, можешь ведь и ошибиться — что ж тут такого-то? Можно ведь, наверное, позволить себе неудачу, делов-то: кто не работает, тот не ошибается. Что ж себя так-то тратить, ведь жизнь — дело коротенькое, и нервные клетки, как известно, не восстанавливаются.

Но не может, как видите. Не хочет, не умеет, не желает вполноги, вполсилы, вполоборота. (Как потом выяснилось, кстати, все страхи, волнения и опасения были напрасными: «Титул» А. Галина получился и идет сейчас с огромным успехом).

...Не знаю, сколько ей лет. Не желаю знать, не интересуюсь этим абсолютно. Мне тридцать шесть, но я говорю с ней на том же языке, что и с моими ровесниками. Ей не надо что-то растолковывать «про сегодня», объяснять, она понимает намек, полуслово, она не отстала безнадежно от времени, она сегодняшняя, она — Живая.

Вот. Именно то. Долго думал, что же в ней главное, какой стержень, который определяет Волчек. И понял: главное в том, что она Живая. Она не стала памятником, не обронзовела, не воспарила в небеса после всех своих режиссерских и актерских удач и достижений (есть от чего вообще-то), а всегда была и остается живым, кожей воспринимающим сегодняшний день человеком. Она не упряма, всегда слушает чужой совет. Другое дело, если ее интуиция (поразительная, к слову говоря) подсказывает, что нужно делать так и никак иначе. Тогда никакой, даже самый уважаемый советчик — «не считов», как говорится.

Мне скучно с людьми, у которых плоская, стертая, невыразительная, банальная речь. У них ничего не своруешь для записной книжки. Обожаю людей, у которых слова, как спелые яблоки.

Шкурный интерес, но Волчек слушаю (по телефону, в телевизор глядя или в жизни), затаив дыхание. Втихомолку зажимаю пальцы: это не забыть записать, это, это. Скажет — как припечатывает. Даст кому-либо характеристику — одним словом, выявив суть: приклеится это слово к человеку на всю жизнь. Сколько раз я воровал у нее слова, словечки, присказки, поговорки, смешные истории — они просто сыплются из нее!

На репетициях «Мурлин Мурло» я не выключал диктофон, потому что невозможно было запомнить все то, что она фантазировала, на ходу изобретала, сочиняла. Параллельно пьесе она «писала» свою, режиссерскую, в которой произносила вслух для актеров все внутренние монологи, все фразы, которые звучат в подтексте. Это было так легко, остроумно, изящно, свободно, что я завидовал актерам: им ничего не надо придумывать, корпеть дома над ролью — Волчек все придумала им, положила к ногам, возьми это богатство и ты — победитель. Прошло несколько лет, я часто слушаю те репетиционные пленки, смеюсь и удивляюсь.

Всякий раз, как приеду в Москву, бегу на «Мурлин Мурло». Встану в зрительном зале у последнего ряда (почти пять лет спектакль идет с аншлагами) и хохочу громче всех. И всякий раз у меня ощущение, что на сцене не артисты Дорошина, Яковлева, Гармаш, Шальных, а люди, живые люди, с которыми я только что ехал в метро. Какие они смешные, несчастные, глупые, обреченные, как их невыносимо становится жалко.

После «Современника» пьеса пожаром пошла по стране (так было с каждой пьесой, которую ставил «Современник» первым), ее поставило более пятидесяти театров. Поначалу я ездил в разные города на премьеры, но потом начал отделываться поздравительными телеграммами. Потому как все спектакли по этой пьесе были на одно лицо: монстры, пьянь, ругань, грязь — короче говоря, все то, что и без того имеется в пьесе, в спектаклях тех театров еще более нагнеталось, усугублялось, увеличивалось. И только на спектакле Волчек, которая открыла пьесу совсем другим ключиком, зрители смеются, узнавая себя в героях, чтобы потом, в финале, когда «грянуло землетрясение», заплакать.

Правда, есть и другие в зрительном зале. Видел, как бабушки-театралки, выходя после премьеры «Мурлин Мурло» в «Современнике», возмущенно трясли подбородками: «Сюда — больше ни ногой! Гибнет театр... Теперь только в Большой, на балет, и осталось ходить...».

...Тысячу раз видел, как Волчек находит контакт и общие темы для разговоров и с дворником, и с министром. Для нее это такая мелочь, такой пустяк, это так естественно для нее — расположить к себе мгновенно, с первой секунды, любого собеседника, дать ему понять, что она все проблемы его понимает и сочувствует и что она — «в доску своя». Со мной было то же самое. В день нашей первой встречи она пожала мне руку и мгновенно влюбила в себя, сообщив между прочим: «Откуда вы? Из Свердловска? Я тоже, можно сказать, свердловчанка!». И засмеялась. Потом рассказала, что когда-то, маленькой девочкой, жила в Свердловске, в доме по улице Белинского, 37. Это в двух шагах от моего нынешнего жилища. Вернее, дома того давно уже нет, а стоит какой-то многоэтажный пошлый «Горгаз» и табличка на нем: «Белинского, 37». Каждый день я еду мимо на троллейбусе, и, если со мной кто-то из знакомых, тычу пальцем в троллейбусное стекло: «Видишь? Тут, на этом месте стоял дом, где в войну жила маленькой девочкой Волчек». И оглядываюсь на весь троллейбус: все ли слышали?

Так вот, после той нашей встречи я почему-то абсолютно уверен, что Волчек — наша, «с Уралу», не подведет и не продаст, поможет и выручит (можете смеяться: мол, красный патриот Уральского хребта). Она не похожа на москвичей — виноват, но как много я их знаю, особенно в театральном мире, наглых, беспардонных и безастенчивых, за глотку берущих из-за своего, холодных, как собачий нос.

Сидеть у нее на кухне, говорить по душам, слушать, жаловаться на жизнь, потчеваться ее хлебосольством — это не выразимый на бумаге кайф. Потому что только она может так убежденно, на низких нотах, сказать: «Да плюнь, забудь, не обращай внимания», что и вправду — плюнешь и забудешь про все свои проблемы и горести.

Я видел, как она работала в Германии, как очаровала всех немцев, с которыми ставила в Эссене «Мурлин Мурло». Своей какой-то термоядерной энергией она расшевелила всех, влюбила в себя, в работу, в дело, в тот Театр, который она строит и обожает. Свою переводчицу Волчек просила: «Ты не переводи в точности то, что я говорю, а переводи меня, понимаешь?». Вот уж задачка для переводчицы! Впрочем, без перевода ее понимают: два года прошло, а актеры этого театра пишут, звонят, приезжают, ахают и охают: «О, Гальина, о, Вольшек, о!».

Она никогда ни на секунду не расслабляется. Она всегда о работе, о театре думает, о деле, о репетициях. Помню, как в аэропорту Шереметьево, когда группа актеров выезжала за границу, Волчек говорила одной из актрис, указывая на шарящих по чемоданам таможенников: «Видишь, как надо искать? Видишь, какие руки? Вот это — обыск. Запоминай, для «Крутого маршрута», надо, чтоб у нас на сцене точно так было бы!»...

«Что ж ты меня не поцелуешь?» — спросила недавно при встрече. Я не поцеловал, потому что ждал разрешения. Потом чмокнул ее, и ноги у меня задрожали. Я взрослый с бородой дядя, я не боюсь никого и ничего на белом свете, но перед нею пугаюсь, сбиваюсь, краснею, стою навытяжку, как школьник перед учителем. Потому что я хочу всегда Волчек сказать, как Раневская говорила одной знаменитой актрисе: «Можно я возле вас постою?». Я робею перед Волчек, потому что обожаю ее изумительный талант: талант режиссера, актрисы, человека.

После генеральной репетиции «Мурлин Мурло» мы ехали вместе с ней в лифте (я прижался к стенке), она глянула в меня (она, только она одна на белом свете умеет смотреть не НА человека, а В него), глянула, показала мне кулак. Я перепугался: что я опять не так сделал? А она сказала мне тихо: «Вот мы, «Современник», открываем драматургов, а они потом предают нас». Снова показала кулак и сказала не то шутя, не то серьезно: «Только попробуй, стервец, предай нас».

Как только я допечатываю последнюю страничку новой пьесы — первый конверт с нею отправляется в «Современник». Будут они ставить пьесу, не будут ли — как Волчек решит, пусть так и будет, но моя совесть чиста и перед театром этим, и перед нею: не предам. И где б я ни путешествовал, где бы ни был — твержу всем и вся заученно: «Есть в Москве, на Чистопрудном бульваре, театр «Современник», где работают лучшие в мире артисты, а руководит этим театром блистательная, поразительная актриса и режиссер Галина Волчек».

Николай КОЛЯДА,
драматург.